

КРИТИЧЕСКИЕ СТАТЬИ И ОБЗОРЫ

С. В. Чешко

ЗАПАДНЫЕ СОВЕТОЛОГИ О НАЦИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЯХ И ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ ПРОЦЕССАХ В СРЕДНЕЙ АЗИИ (1970—1980-е годы)

В советской научной литературе неоднократно анализировались концепции западноевропейских и американских исследователей о развитии национальных отношений в СССР¹. Только с конца 1950-х годов по 1970 г. вышло более 1800 публикаций советских авторов с критикой этих концепций². В настоящем обзоре рассматриваются некоторые из работ западных ученых, дающие, на наш взгляд, определенное представление о состоянии современной советологии.

Необходимость изучения трудов буржуазных историков, этнологов, политологов о национальных отношениях в СССР обусловлена не только чисто академическими интересами, но и потребностями идеологической борьбы против антисоветской пропаганды. Именно западные писатели с учеными степенями и званиями много потрудились для того, чтобы создать в глазах общественности своих стран злобещий образ «тюрьмы народов» — Советского Союза.

В последние годы интерес к национальному развитию народов СССР, особенно среднеазиатского региона, со стороны специалистов-советологов заметно возрос. Датский ученый Й. Квортруп, например, считает, что пристальное внимание к республикам советской Средней Азии обусловлено их своеобразным геополитическим положением на стыке социалистической системы и капиталистической периферии³. Другая датская исследовательница — Э. Чилински прямо указывает, что это внимание к среднеазиатским республикам непосредственно связано с происходящими в соседних с ними мусульманских странах важными политическими событиями⁴. Предельно откровенен известный советолог М. Рывкин, когда он замечает, что Запад питает надежду на такое обострение национальных противоречий в Средней Азии, которое подорвало бы основы советской социалистической системы⁵.

О том, какое значение придают изучению национальных отношений в СССР правящие круги капиталистических держав, можно судить хотя бы по выступлению представителя Госдепартамента США Э. Капусты на одной из международных конференций советологов (1983 г.). По его мнению, академические исследования в этой области должны занять достойное место в системе сбора и анализа информации об СССР, дополняя деятельность разведывательных и пропагандистских ведомств США⁶. Показательно и то, что в организации и финансировании этих исследований принимают непосредственное участие государственные учреждения, например Государственный

¹ См., например: *Есмагамбетов К. Л.* Действительность и фальсификация (англо-американская историография о Казахстане). Алма-Ата, 1976; *Сужиков Б. М.* Англо-американская буржуазная историография Казахстана и Средней Азии (Семидесятые годы)//Общественные науки. Реферативный сборник. Зарубежная литература. Алма-Ата, 1980; *Баграмов Э. А.* Национальный вопрос в борьбе идей. М., 1982; *Чертина З. С.* Национальные отношения при социализме в буржуазной историографии США. М., 1982; *Критика фальсификации национальных отношений в СССР*. М., 1984.

² *Иноятов Х. Ш.* Советская историография в борьбе с фальсификацией национальных отношений в СССР//Общественные науки в Узбекистане. 1980, № 3. С. 54.

³ *Qvortrup J.* Modernization and Standards of Living in Soviet Central Asia//Soviet Central Asia: Continuity and Change/Ed. Chylinski E. A. Esbjerg, 1984. P. 91.

⁴ *Chylinski E. A.* Islam in Soviet Central Asia: Ethnicity and Religion//Soviet Central Asia. P. 41.

⁵ *Rywhin M.* Soviet Central Asia and the State//Conference on the Study of Central Asia/Ed. Nalle D. Wash., 1983. P. 57.

⁶ *Kapusta A.* Soviet Nationality Research and Employment Possibilities in the US Government//Conference on the Study of Central Asia. P. 71—81.

департамент и Министерство обороны США, а также различные внеправительственные объединения и фонды, снабжающие аналитической и прогностической информацией о Советском Союзе правящие круги своей страны, политические и деловые группировки.

Приведенные факты убеждают в том, что характер научного исследования этнических аспектов современного развития народов Советского Союза в значительной степени определяется стратегическими, внешнеполитическими и пропагандистскими задачами буржуазных государств.

Говоря о западной советологии, необходимо учитывать ее внутреннюю неоднородность. В литературе уже предпринимались попытки выделить основные группы советологов по характеру их исследований и мировоззренческим установкам. Так, М. К. Нурмухамедов считает возможным разделить этих исследователей на две категории: на тех, кто использует «лобовой метод» в фальсификации национальных отношений в СССР, и тех, кто пытается замаскировать антисоветскую направленность своих концепций⁷. Думается, однако, что «степень антисоветизма» или формы его выражения являются не единственными критериями оценки деятельности зарубежных специалистов по СССР. Важно учитывать и то, насколько их исследования отвечают критерию научности — построения выводов и теоретических концепций на основе объективного и углубленного анализа фактических данных.

Приходится, видимо, констатировать, что весьма значительная часть советологических публикаций не выдерживает этого принципа, о чем свидетельствует, например, их источниковая база. В работах таких авторов, как профессор истории из Канады Д. Поспиловски⁸, профессор политологии из США О. Федин, профессор русской истории из Израиля Я. Ро'и⁹, использованы некоторые статистические данные о социально-экономическом и этнокультурном развитии народов СССР. Однако свои выводы эти авторы строят преимущественно на высказываниях эмигрантов или на тенденциозной информации, а чаще всего вообще без ссылок на какие-либо источники. Для американского советолога А.-А. Рорлиха источниками служат почти исключительно произведения прозаиков и поэтов из республик Средней Азии. Как утверждает А.-А. Рорлих, художественная литература является как бы «зеркалом, отражающим эволюцию расового, национального, социального, политического и религиозного организма»¹⁰.

Чрезмерная категоричность такого подхода очевидна, поскольку литературное творчество как часть профессиональной культуры является весьма специфическим, образным и субъективным отражением действительности и потому не может выступать в качестве единственного источника познания этой действительности.

В работах названных и многих других авторов излишне искать хотя бы упоминания трудов советских этнографов, социологов, историков, которые могли бы восполнить недостающую на Западе информацию о ходе этнокультурных процессов и состоянии национальных отношений в СССР.

Примечательно, что именно данная категория публикаций носит ярко выраженный антисоветский характер, и это представляется не случайным. Их пропагандистские функции чаще всего оказываются несовместимыми с наукой.

В последнее время среди зарубежных исследователей стало проявляться недовольство общим низким научным уровнем советологических работ, которые, как справедливо заметил один из них, скорее относятся к жанру журналистики, нежели к истории¹¹. «Принятый у нас в Америке способ исследования, отдающий предпочтение скороспелым умозаключениям перед внешне гораздо менее эффектными фундаментальными изысканиями, — указывал М. Рывкин, — часто оказывается бесполезным для понимания проблем (этнического развития народов СССР. — С. Ч.)»¹².

Подобные высказывания свидетельствуют о росте на Западе потребности в объективном анализе советской действительности. Эту задачу пытаются решить в своих работах, например, Э. Чилински, К. Матиассон, Х. Л. Краг, Д. Матушевски¹³, авторы некоторых других публикаций, вышедших из печати в последние годы. Им не всегда удается преодолеть сложившиеся в буржуазной советологии стереотипы суждений об СССР, разобраться в существе рассматриваемых проблем. Однако этим исследователям нельзя отказать в научной добросовестности, в стремлении осмыслить факты, а не подогнать их под существующие концепции. Пока что среди зарубежных специалистов по национальным отношениям в СССР такие исследователи не составляют большинства, и «пропагандистское» направление в советологии продолжает домини-

⁷ Нурмухамедов М. К. Некоторые тенденции современной буржуазной советологии в изучении культур народов Средней Азии//Общественные науки в Узбекистане. 1980. № 3. С. 23.

⁸ *Pospielowsky D. V. Ethnocentrism, Ethnic Tensions, and Marxism/Leninism/Ethnic Russia in the USSR: The Dilemma of Dominance*/Ed. Allworth E. N. Y., etc., 1980. P. 123—131; *Fedyshyn O. S. The Role of Russians among the New Unified «Soviet People»/Ethnic Russia in the USSR. P. 152—156.*

⁹ *Ro'i Y. The Task of Creating the New Soviet Man: «Atheistic Propaganda» in the Soviet Muslim Areas/Soviet Studies. 1984. V. 36. № 1. P. 26—44.*

¹⁰ *Rorlich A.-A. Notes on the Dynamics of Religion and National Identity in Central Asia/Conference on the Study of Central Asia. P. 35.*

¹¹ Цит. по: *Kapusta A. Op. cit. P. 75.*

¹² *Rywwin M. Op. cit. P. 57.*

¹³ *Chylinski E. A. Op. cit.; Mathiasson K. Ethnic Groups in Soviet Central Asia/Soviet Central Asia. P. 11—36; Krag H. L. The Language Situation in Central Asia/Ibid. P. 60—84; Matuszewski D. C. Development in Context: Inner Asian Trends/Conference on the Study of Central Asia. P. 51—55.*

ровать над «аналитическим». Значительную же часть западных советологов трудно отнести только к одному из этих направлений, поскольку в их работах можно обнаружить как элементы научного анализа, так и традиционные элементы антисоветизма.

В выходящих на Западе публикациях о национальных отношениях в нашей стране особенно большое внимание уделяется характеристике целей и принципов политики Советского государства в национальном вопросе. Американская исследовательница А. Ройс заявляет, что эта политика основывается на «неомарксистском подходе»¹⁴, который используется «в пропагандистских целях такими государствами, как Советский Союз и Китай, чтобы оправдать игнорирование ими интересов этнических меньшинств»¹⁵. Смысл подобного подхода Р. Ройс объясняет так: «если проблемы этих групп вытекают из их классового положения..., то этнические аспекты не имеют существенного значения и их нет необходимости учитывать при разработке решений этих проблем»¹⁶.

Трудно сказать, на основании чего А. Ройс составила себе представление о принципах национальной политики Советского государства. В Конституции нашей страны, в Программе КПСС вопросам развития национальных культур и обеспечения равноправия народов Советского Союза уделено особое внимание¹⁷. Разумеется, в политике практика зачастую противоречит теории, и американке А. Ройс это должно быть хорошо известно, ведь именно в США систематически нарушаются права этнических меньшинств. Но как раз практика национального строительства в СССР убедительно опровергает весьма распространенный на Западе тезис об игнорировании в СССР национального вопроса и подмене его классовыми лозунгами.

Живучесть этого тезиса объясняется, видимо, не только стремлением опорочить социализм, но и характерным для многих буржуазных обществоведов упрощенным пониманием марксистско-ленинской социологии, якобы отрицающей значение этнического фактора в общественном развитии. Со своей стороны эти ученые, даже призывая на словах связывать социальных и этнических проблем, рассматривают последние как самостоятельную область общественных отношений, обусловливаемую не социальными, а межнациональными противоречиями. Отсюда, между прочим, следует вывод, что межнациональные противоречия и конфликты существуют при любом типе общественного устройства и природа их неизменна¹⁸.

Отрицание принципиальных различий в характере национальных отношений в социалистическом и классово-антагонистическом обществах проявляется во взглядах американских ученых Ч. Ханта и Л. Уолкера на политику Советского государства в национальном вопросе в начальный период его существования. По их мнению, курс правительства молодой Советской республики на обеспечение прав и возможностей нерусских народов для свободного национального развития, выраженный в концентрированном виде в «Декларации прав народов России», был вызван необходимостью умиротворения этих народов с целью установления контроля над территорией бывшей Российской империи¹⁹. Иными словами, то, что являлось одной из важнейших задач Великой Октябрьской социалистической революции, представлено этими авторами лишь в качестве средства решения военно-политических проблем. Так же оценивает А. Салех мероприятия Советского государства по социально-экономическому развитию скотоводческих районов Средней Азии. По его мнению, эти мероприятия направлены не на улучшение жизни и интенсификацию хозяйства бывших кочевых и полукочевых народов, а на установление над ними более эффективного политического контроля²⁰. Правда, точка зрения А. Салеха представляет собой случай особого рода. Этот автор, в целом далекий от проблем советологии, стремится доказать, что любое государство, будь то Иран времен последнего шаха или Социалистическая Эфиопия, угнетает колониальных.

Еще 10—15 лет тому назад в буржуазной советологии господствовало утверждение, что в Советском Союзе проводится политика насильственной ассимиляции нерусских народов. В последнее время этот тезис подвергается пересмотру. Например, Х. Л. Круг считает, что говорить о русификации среднеазиатских народов нет оснований. «Базирующуюся на европейских ценностях идеологию индустриализации, модернизации и развития,—пишет датская исследовательница,—правильней называть советизацией...», что, по ее мнению, соответствует принятому в СССР понятию «ин-

¹⁴ Не совсем ясно, почему А. Ройс употребляет здесь термин «неомарксистский». Возможно, А. Ройс принадлежит к числу тех советологов, которые утверждают, что идеология советского социалистического общества представляет собой мнимый, извращенный марксизм. См., например: *Pospiewolsky D. V. Op. cit. P. 130.*

¹⁵ *Royce A. P. Ethnic Identity. Strategies of Diversity. Bloomington, 1982. P. 3.*

¹⁶ *Royce A. P. Op. cit.*

¹⁷ Конституция Союза Советских Социалистических Республик (Основной закон). М., 1977. Ст. 19, 27, 34, 36, 52, 64; Программа Коммунистической партии Советского Союза. М., 1971. С. 112—116. Традиционный курс на обеспечение равноправия и национального развития народов СССР был подтвержден и XXVII съездом КПСС.—Программа Коммунистической партии Советского Союза (новая редакция)//Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. М., 1986. С. 156.

¹⁸ *Hunt Ch. L., Walker L. Ethnic Dynamics. Patterns of Intergroup Relations in Various Societies. Homewood, 1974. P. 54.*

¹⁹ *Ibid. P. 59.*

²⁰ *Saleh A. K. M. Die Afar-Saho Nomaden in Nordost-Afrika: Die socio-ökonomischen und politischen Bedingungen des Nomadentums und der Versuch einer Sesshaftmachung der Nomaden am Beispiel der Afar-Saho in Nordost-Afrika. Münster, 1984. S. 168—174.*

терационализация»²¹. Показательно, как изменилась в этом вопросе позиция профессора из Оттавы Т. Раковски-Хармстоун. Если в начале 1970-х годов она писала о русификации и ассимиляции коренных народов Средней Азии²², то в более поздней ее работе отсутствуют даже сами эти термины²³.

Такая эволюция позиции западных исследователей едва ли означает, что они изменили свое отношение к социализму. В их среде происходит пересмотр лишь некоторых, наиболее несостоятельных концепций, к числу которых относится и теория «русификации». Зато теперь пишут о целенаправленном вытеснении культурных традиций нерусских народов СССР европеизированными нормами, для чего якобы и изобретен термин «новая историческая общность — советский народ». Смена терминологии, правда, еще не означает принципиальных изменений во взглядах. По существу теория «советизации» мало чем отличается от теории «русификации», хотя некоторые авторы и пытаются их разграничить²⁴.

Остается в силе и тезис о гегемонии русских в республиках Средней Азии, которого придерживается подавляющее большинство западноевропейских и североамериканских авторов. Но нередко те же авторы вынуждены признавать, что нерусские народы «до некоторой степени еще обладают культурной автономией» в вопросах использования своих языков, развития образования, искусства и т. д.²⁵ Некоторые замечания по этому поводу на фоне обычного антисоветского мифотворчества выглядят как настоящие откровения. «В отличие от Британской и Французской империй, — читаем у Э. Олуорта, — советско-русская система выработала, похоже, средства сохранения политической власти без создания социально-экономических привилегий для доминирующей этнической группы»²⁶. Х. Л. Краг тоже приходит к выводу о том, что в СССР «нет причинной связи между этнической принадлежностью и материальным благосостоянием»²⁷.

Казалось бы, из признания того обстоятельства, что в СССР отсутствует экономическая основа для господства русских, должен следовать логичный вывод об отсутствии и самого господства: ведь буржуазным ученым не чуждо понимание зависимости политики от экономических интересов. Однако именно такой вывод в работах советологов не имеет, видимо, права на существование.

Некоторые авторы пытаются преодолеть этот аллоизм, но прямо противоположным способом. Например, Т. Раковски-Хармстоун²⁸ находит возможным писать о каких-то остатках колониальных отношений между русскими и другими народами нашей страны, а А. Беннигсен²⁹ утверждает, что Средняя Азия эксплуатируется «на колониальный манер». Более определенные замечания на этот счет можно обнаружить, например, в работах Я. О. Делленбранта, Ч. Ханта и Л. Уолкера, которые пишут о полной зависимости среднеазиатских республик от Москвы в важнейших вопросах их социально-экономического развития³⁰. Одним из признаков эксплуатации эти авторы считают вывоз из Средней Азии в Россию полезных ископаемых и сельскохозяйственной продукции³¹.

Приведенные высказывания интересны тем, что они дают некоторое представление о технике фабрикации аргументов, применяемой многими западными советологами. Так, проблема совершенствования взаимодействия центральных и республиканских органов управления на основе принципов социалистического федерализма и демократического централизма в нашей стране действительно существует³². Аналогичные проблемы, вытекающие из самой природы федеративного государственного устройства, возникают и в других странах. Однако авторы цитировавшихся выше работ почему-то видят в этих проблемах, когда речь заходит об СССР, признак эксплуатации и угнетения нерусских народов. Такой же и столь же неожиданный вывод они делают на основании факта поставок сырья из Средней Азии в другие республики Советского Союза. Любый здравомыслящий человек должен понимать, что без межрегионального разделения труда не может нормально развиваться современная экономика. А беспристрастный исследователь не станет утверждать, что Средняя Азия, имеющая мощную промышленность, является сырьевым придатком России.

Представители того направления западной советологии, которое мы условно называли «пропагандистским», готовы использовать буквально любые факты советской действительности для обвинений в адрес Советского Союза. Впрочем, эти «исследователи» зачастую вообще не утруждают себя поисками фактов, ограничиваясь голос-

²¹ Krag H. L. Op. cit. P. 77.

²² Rakowska-Harmstone T. Recent Trends in Soviet Nationality Policy//The Soviets in Asia. Mechanisville, 1972. P. 7, 19.

²³ Rakowska-Harmstone T. Ethnicity in the Soviet Union//The Annals of the American Academy of Political and Social Science. V. 433. Philadelphia, 1977. P. 73—88.

²⁴ См. например: Fedyshyn O. S. Op. cit. P. 156.

²⁵ Ibidem.

²⁶ Allworth E. Ambiguities in Russian Group Identity and Leadership of the RSFSR//Ethnic Russia in the USSR. P. 185.

²⁷ Krag H. L. Op. cit. P. 73.

²⁸ Rakowska-Harmstone T. Ethnicity in the Soviet Union. P. 76.

²⁹ Conference on the Study of Central Asia. P. 41.

³⁰ Dellenbrant J. A. Regional Policy and Regional Development in Soviet Central Asia//Soviet Central Asia. P. 132: Hunt Ch. L., Walker L. Op. cit. P. 56.

³¹ Ibidem.

³² См., например: Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. С. 156—157.

ловными заявлениями. Для них характерно чисто идеалистическое толкование рассматриваемых вопросов. Получается, что политика угнетения нерусских народов, якобы проводимая Советским государством, осуществляется не во имя каких-то конкретных «колониальных» интересов России, а во имя самой идеи угнетения и в силу имманентной порочности коммунистической идеологии и социалистического общественного строя. Именно такой смысл без труда угадывается в рассуждениях Д. Поспиловски о «русском шовинизме», «расистском этноцентризме» и «экстремизме» идеологических и политических основ советского общества³³, в высказываниях некоторых других авторов³⁴.

Заметно меняется тон советологических публикаций, когда их авторы пытаются действительно анализировать реальные данные о жизни коренного населения республик Средней Азии. К. Матиассон, И. Квортруп, Д. Матушевски, А.-А. Рорлих в целом положительно оценивают изменения в материальных условиях жизни среднеазиатских народов, которые произошли за годы Советской власти, подчеркивают, что уровень их благосостояния и социального обеспечения значительно выше, чем в соседних странах — в Иране, Афганистане, Пакистане, Турции³⁵. Одновременно эти и другие авторы³⁶ справедливо указывают на трудности и недостатки в ходе социально-экономического развития республик Средней Азии, на их отставание по росту производительных сил от других регионов страны. К сожалению, в освещении и этих вопросов западные исследователи не могут обойтись без преувеличения существующих проблем. До сих пор в зарубежной литературе можно встретить, например, утверждение о том, что по своему экономическому развитию среднеазиатские республики остались на довоенном уровне³⁷. Если верить западногерманскому автору Х. Лили, то население, занятое в отгонном животноводстве, живет чуть ли не в нищете и без всяких перспектив на улучшение своего положения³⁸. Проблема улучшения условий труда и жизни чабанов существует³⁹, однако говорить об обездоленности и дискриминации этой категории населения, на что весьма прозрачно намекает Х. Лили, нет никаких оснований.

В работах Я. О. Делленбранта, И. Квортрупа, Т. Шабада⁴⁰ предприняты попытки проанализировать общие закономерности, особенности и факторы социально-экономического развития среднеазиатских республик. Обращая внимание на проблемы, возникающие в ходе совершенствования производительных сил и производственных отношений в Среднеазиатском регионе, эти и другие советологи прогнозируют всевозможные экономические и социальные бедствия, политические катаклизмы, которые будто бы должны разразиться в недалеком будущем. Правда, подобные прогнозы основываются их авторами больше на интуитивных предположениях, нежели на каких-либо расчетах.

Довольно поверхностно рассматривают западные исследователи вопросы современного социокультурного развития коренных народов советской Средней Азии. Правильно указывая на сохранение у них некоторых традиционных форм социальной организации, в частности расширенной семьи (extended family), норм поведения в семье и в быту, зарубежные исследователи считают эти традиции извечными и неотъемлемыми чертами культуры и общественного сознания коренного населения Средней Азии. Фактически в их работах отрицается сам факт поступательного развития социальных отношений у рассматриваемых ими народов; речь идет исключительно о противостоянии и даже борьбе местных традиций и «европейских ценностей», т. е. норм социалистического общества, которые якобы в принципе чужды коренному населению Средней Азии⁴¹.

Антиисторизм методологии буржуазных советологов, «этнизация» ими социальных отношений и общественного сознания особенно наглядно проявляются в анализе роли ислама в СССР. По мнению, например, Я. Ро'и, идеология марксизма-ленинизма несовместима с культурными традициями «мусульманских» народов Советского Союза, значащими для них больше, чем все, «чему учат школа, комсомол, средства массовой информации»⁴². Homo islamicus, как утверждает Я. Ро'и, отвергает единообразие советской системы, обнаруживая, таким образом, неудачу попытки Советской власти воспитать нового человека⁴³. В таком же духе об антагонизме между «Homo islamicus» и «Homo sovieticus», между культурными традициями народов советского

³³ Pospisielowsky D. V. Op. cit. P. 130.

³⁴ См. например: Irving T. B. The Prison of Nations. Tatars and inner Turks in Central Asia//Impact. International Fortnightly. 1976. V. 6:4/5. P. 8; Pipes R. Reflections on the Nationality Problems in the Soviet Union//Ethnicity: Theory and Experience/Ed. Glazer N., Moynihan D. P. Cambridge (Mass.), 1975. P. 463.

³⁵ Mathiasson K. Op. cit. P. 35; Qvortrup J. Op. cit. P. 95; Matuszewski D. C. Op. cit. P. 53, 54; Rorlich A.-A. Op. cit. P. 32.

³⁶ См., например: Dellenbrant J. A. Op. cit. P. 125—129.

³⁷ См., например: The Soviets in Asia. Mechanisville, 1972. P. 5.

³⁸ Liely H. Shepherds and Reindeer Nomads in the Soviet Union//Soviet Studies. 1979. V. 31. № 3. P. 407.

³⁹ См., например: Казахстанская правда. 1986. 12 апреля. С. 1.

⁴⁰ Dellenbrant J. A. Op. cit.; Qvortrup J. Op. cit.; Shabad T. Economic Realities and Dynamics of Central Asia//Conference on the Study of Central Asia. P. 43—50.

⁴¹ Mathiasson K. Op. cit.; Liely H. Op. cit.

⁴² Ro'i Y. Op. cit. P. 40.

⁴³ Ibid. P. 41.

Востока и коммунистической идеологией, облеченной в некую «псевдокультуру марксизма-ленинизма», высказываются А. Йоргенсен, А. Беннигсен, А.-А. Рорлих и др.⁴⁴ Обосновывая этот тезис, А.-А. Рорлих даже утверждает, что сегодня ислам противостоит чуждой ему советской идеологии столь же успешно, как он противостоял принесенному в Среднюю Азию монголами буддизму в XIII в.⁴⁵ Впрочем, считает Я. Ро'и, «положение для Москвы не столь уж безнадежно: следует лишь хорошенько изучить образ жизни мусульман с тем, чтобы „дать им альтернативу, соответствующую их индивидуальным и коллективным потребностям“⁴⁶, иначе говоря — приспособить коммунистическую идеологию к идеологии ислама.

В приведенных выше высказываниях при всей их надуманности и курьезности есть рациональное зерно. Безусловно, «Homo islamicus», существо консервативное и реакционное, чужд социалистическому обществу, прогрессивным социально-экономическим и культурным преобразованиям в жизни некогда отсталых, поголовно неграмотных «мусульманских народов». Дело, однако, в том, что этот обобщенный образ совершенно не подходит для характеристики духовного облика социалистических наций современной Средней Азии.

Критикуя взгляды зарубежных советологов, мы не должны, конечно, впадать в крайность и делать вид, будто в нашем обществе полностью изжиты элементы противоречащей социализму идеологии. В последние годы достоянием гласности стали факты нарушения законности и социальной справедливости, сознательного пренебрежения служебными обязанностями и гражданским долгом, коррупции, «байства» и угодничества — это все по существу и есть признаки такой идеологии.

Не они, однако, определяют духовный и нравственный потенциал советского общества, народов Средней Азии, и, уж конечно, эти черты отнюдь не являются «культурными ценностями» коренного населения советского Востока.

Не соответствуют действительности замечания о поголовной религиозности коренного населения Средней Азии, содержащиеся в работах многих западных авторов, для которых любой казах или узбек — мусульманин. Ошибочно и утверждение, что верующий мусульманин автоматически является врагом Советской власти и коммунистической идеологии. История нашего государства опровергает это мнение. Нет также оснований говорить об антагонизме, проявляемом «официальным» исламом в отношении Советского государства. Не случайно, кстати, что в советологической литературе порой высказываются сожаления по поводу того, что ислам в СССР стал более консервативным (!), чем в дореволюционной России: имеется в виду поддержка мусульманскими религиозными деятелями и учреждениями советской внутренней и внешней политики⁴⁷.

Заслуживает внимания другой аспект «исламского вопроса», который привлекает внимание зарубежных специалистов по СССР. «В последние годы, — пишет Я. Ро'и, — местная городская интеллигенция вновь обращается к исламу, что является следствием и растущего осознания ею своей силы..., и понимания того обстоятельства, что ассимиляция вовсе не придаст ей в дальнейшем новые силы, а просто будет способствовать ее разрушению как на групповом, так и на индивидуальном уровне»⁴⁸. А.-А. Рорлих утверждает, что возрождение ислама в среднеазиатских республиках является реакцией на «моральное банкротство чуждых ценностей Запада»⁴⁹. На феномен превращения мусульманских традиций в традиции этнические указывает в своей статье Э. Чилинский⁵⁰.

Если оставить в стороне обычные для советологов формулировки, то следует признать, что само явление они подметили верно, хотя, пожалуй, и несколько преувеличивают его. Тенденция некоторого роста популярности ислама в ряде районов Средней Азии и Казахстана действительно существует, и наблюдается она прежде всего в среде национальной интеллигенции, о чем свидетельствуют, например, критиковавшиеся в партийных документах, в центральной и местной прессе отдельные произведения художественной литературы. Думается, это явление объясняется не столько ростом религиозности у части населения Средней Азии, сколько особенностями выражения современных этнокультурных процессов у народов этого региона, а именно процессов этнической консолидации. Вместе с тем переплетение этнических и религиозных моментов отражает не суть этих процессов, а незавершенность перестройки сознания у народов, культура которых веками развивалась под сильным влиянием ислама. Как бы то ни было, данное явление требует изучения и осмысления.

Этнические процессы в республиках советской Средней Азии также не обойдены вниманием зарубежных авторов. Э. Олуорт продолжает развивать популярный среди его коллег тезис о том, что Советская власть положила конец этнической интеграции в Средней Азии⁵¹. Аналогичную мысль высказывает и Х. Л. Краг. «Разделение Средней Азии на пять обособленных республик и пять официальных национальных языков, — пишет она, — без сомнения, усилило национальную консолидацию в ущерб кон-

⁴⁴ Jorgensen A. Soviet Central Asia in International Perspective//Soviet Central Asia. P. 136; Conference on the Study of Central Asia. P. 39, 40; Rorlich A.-A. Op. cit. P. 29—38.

⁴⁵ Rorlich A.-A. Op. cit. P. 31.

⁴⁶ Ro'i Y. Op. cit. P. 41.

⁴⁷ Rorlich A.-A. Op. cit. P. 31.

⁴⁸ Ro'i Y. Op. cit. P. 41.

⁴⁹ Rorlich A.-A. Op. cit. P. 29.

⁵⁰ Chylinski E. A. Op. cit. P. 54.

⁵¹ Allworth E. The End of Ethnic Integration in Southern Central Asia. Wash., 1981.

солидации региональной»⁵². А. Беннигсен, Т. Косаоглу⁵³ и А.-А. Рорлих⁵⁴ даже утверждают, что национальное самосознание было просто навязано среднеазиатским народам Советской властью, однако оно не смогло и не сможет в будущем вытеснить «туркестанское», как его называет А. Беннигсен, самосознание, питаемое общей мусульманской «персо-тюркской культурой»⁵⁵. Правда, у тех же авторов можно обнаружить и иные заявления. По мнению А.-А. Рорлиха, формирование пантюркского самосознания — это лишь перспектива этнического развития среднеазиатских народов⁵⁶, а А. Беннигсен, явно противореча себе, указывает, что особое национальное самосознание казахов, киргизов, таджиков, узбеков и туркмен «существовало всегда»⁵⁷. Трудно понять, как же в действительности представляют себе эти авторы историю этнического развития коренного населения советского Востока. Но, судя по всему, их главная цель в другом: не обращая внимания на непоследовательность и противоречивость собственных концепций, они стараются доказать только одно — это развитие протекает совсем не так, как «хотелось бы Москве».

Не смущает названных исследователей и очевидная непаучность постановки самого вопроса о возможности навязывания целым народам чуждого для них этнического самосознания. Нечего и говорить, что работы советских ученых, посвященные исследованию этногенеза и современных этнических процессов у народов Средней Азии, буржуазные советологи предпочитают «не знать».

К каким же выводам приходят авторы советологических публикаций, рассмотрев отдельные стороны национального вопроса в советской Средней Азии? Главный вывод заключается в том, что этот регион СССР является очагом межнациональных противоречий на почве «русского гегемонизма» и «местного национализма». Так, Р. Пайпс сумел обнаружить серьезные трения между русскими и коренным населением национальных республик по вопросам использования земельного фонда, распределения жилья, рабочих мест, товаров и услуг⁵⁸. Конфликтная ситуация, по его утверждению, обусловлена также противоречиями между «Москвой» и республиками по поводу государственных инвестиций и использования природных ресурсов, претензиями «туземной элиты» на реальную власть и гонениями на «местный национализм»⁵⁹. О подобных противоречиях в «последней из великих европейских империй» пишет и Д. Матушевски⁶⁰.

О межнациональной розни в СССР можно прочесть едва ли не во всех публикациях западных специалистов-советологов, хотя некоторые из них проявляют в этом вопросе известную сдержанность. Например, Ч. Хант и Л. Уолкер вынуждены признать, что «в СССР межгрупповые отношения не более напряжены, чем в большинстве других крупных стран», но, сделав столь робкий шаг к истине, они повторяют все тот же тезис о межэтнических противоречиях при коммунизме и заключают, что «Советы не выработали для остального мира модели построения полиэтнических обществ»⁶¹. Согласно утверждению Т. Раковски-Хармстоун, конфликтные отношения между русским и нерусскими народами охватывают практически все сферы общественной жизни, однако открыто они не проявляются, подчиняясь неким «правилам игры»⁶². А далее канадская исследовательница высказывает весьма любопытную мысль: в СССР нет ни сепаратистских движений, ни межнациональных эксцессов, поскольку «сама природа советской политической системы, основанная на классовой теории марксизма-ленинизма, препятствует этому»⁶³. Сказано очень точно, хотя вряд ли Т. Раковска-Хармстоун в данном случае сказала именно то, что хотела сказать. Ее позиция становится предельно ясной, когда она начинает прогнозировать дальнейший ход событий.

Как утверждает Т. Раковска-Хармстоун, некие «национальные силы» настаивают на предоставлении республикам Средней Азии «большей автономии, но если это требование будет отвергнуто, то возможен взрыв»⁶⁴. Она даже находит признаки, не уточняя, правда, какие именно, приближающихся «этнических беспорядков»⁶⁵. Другие авторы рисуют еще более впечатляющие картины. Р. Пайпс допускает возможность кровопролитной гражданской войны в СССР на почве межнациональных противоречий⁶⁶, А. Йоргенсен предвещает развал «советской империи» в результате восстания национальных меньшинств против русского господства⁶⁷, Э. Д'Анкос и А. Беннигсен

⁵² Krag H. L. Op. cit. P. 60.

⁵³ Цит. по: Kosaoglu T. What Are Most Important Traditional, Reformist, and Revolutionary Attitudes of Central Asians Towards Their Own Societies Today//Conference on the Study of Central Asia. P. 20—21.

⁵⁴ Rorlich A.-A. Op. cit. P. 29, 30.

⁵⁵ Conference on the Study of Central Asia. P. 41.

⁵⁶ Rorlich A.-A. Op. cit. P. 35.

⁵⁷ Conference on the Study of Central Asia. P. 41.

⁵⁸ Pipes R. Op. cit. P. 463.

⁵⁹ Ibidem.

⁶⁰ Matuszewski D. C. Development in Context: Inner Asian Trends (The Last Thirty Years)//Conference on the Study of Central Asia. P. 54.

⁶¹ Hunt Ch. L., Walker L. Op. cit. P. 84—86.

⁶² Rakowska-Harmstone T. Ethnicity in the Soviet Union. P. 73.

⁶³ Ibid. P. 74.

⁶⁴ Ibid. P. 73.

⁶⁵ Ibid. P. 87.

⁶⁶ Pipes R. Op. cit. P. 463.

⁶⁷ Jorgensen A. Op. cit. P. 136.

ождают, что коренные народы Средней Азии в конце концов сбросят это господство и станут в ряды защитников «специфического исламского социализма в Азии и на Ближнем Востоке»⁶⁸. В принципе избежать таких перспектив, как считает Р. Пайпс, можно. «Советское правительство,— заявляет он,— может ликвидировать наиболее вопиющие злоупотребления существующей системы, трансформировав советскую империю в содружество советских коммунистических государств» — видимо, по образу и подобию Британского Содружества Наций? — однако, пессимистически добавляет Р. Пайпс, СССР на это никогда не пойдет⁶⁹.

Из всего нагромождения приведенных выше выдумок, преувеличений и футуристических упрямств следует, пожалуй, отметить одну мысль — мысль о существовании в Средней Азии националистических настроений, — и не только потому что она выражает один из основополагающих, «доопытных» тезисов буржуазной советологии. Опровергать утверждения о национальной розни и грядущих кровопролитиях на почве межнациональных противоречий нет необходимости. Те, кто пишут обо всем этом, явно выдают желаемое за действительное. Однако мы не должны закрывать глаза на реальные факты, свидетельствующие о том, что национальные предубеждения у некоторой части населения Средней Азии (как, впрочем, и в других регионах страны) еще дают о себе знать. Этнографам, работающим в районах со смешанным в этническом отношении населением, это хорошо известно. Более того, есть основания говорить о некотором росте таких настроений. О причинах этого явления, надо признать, мы можем судить весьма приблизительно, потому что они никогда у нас специально не изучались. Вряд ли правомерно объяснять проявления национализма исключительно недостатками воспитательной работы или связывать эти проявления с попытками узаконить под национальными лозунгами родственные и земляческие интересы, как это показано, например, в статье («Паутина»), опубликованной в газетах «Известия» и «Казахстанская правда». По-видимому, причины надо искать в целом комплексе факторов общественной жизни, имеющих отношение как к истории, так и к современности. На наш взгляд, объективной основой некоторого роста националистических настроений в среде коренного населения среднеазиатских республик является консолидация его этнических организаций. Этому же может способствовать постепенное вытеснение местных этнокультурных традиций элементами современной индустриальной культуры, которая нередко ассоциируется у представителей коренных народов конкретно с русской или «европейской» культурой. Изучение этого комплекса факторов, как и самого явления, необходимо не только для совершенствования национальных отношений в нашей стране, о чем специально говорится в руководящих партийных документах⁷⁰, но и для того, чтобы уметь аргументированно противостоять антисоветским вымыслам буржуазной пропаганды.

Анализ работ по национальным отношениям в СССР, вышедших на Западе в 1970 — 1980-е годы, показывает, что по существу принципиальных изменений концепции буржуазных исследователей по сравнению с предыдущими десятилетиями не претерпели. Их идейную направленность по-прежнему определяет антикоммунизм. Кроме того, западные советологи похоже не в состоянии поверить в возможность социальной системы, в которой отсутствует угнетение человека человеком. В совокупности оба этих фактора — пропагандистские функции советологии и мировоззренческая ограниченность буржуазной науки — определяют низкое качество многих публикаций ученых из капиталистических стран по рассматриваемым проблемам. Живучесть старых концепций и лозунгов не позволяет выделить 1970—1980-е годы как особый период в развитии западной историографии национальных отношений в СССР.

Вместе с тем, несомненно, в последнее время в советологии произошли и некоторые изменения. Прежде всего обращает на себя внимание заметная активизация советологических центров, занимающихся изучением истории и современности нашей страны, разработкой целевых программ исследования национального вопроса в СССР, проводящих многочисленные конференции и симпозиумы, публикующих исследовательские работы, издающих журналы, готовящих специалистов по СССР. Некоторые из таких центров стремятся наладить сотрудничество с советскими научными учреждениями с целью проведения совместных исследований в области этнокультурного развития народов СССР, обмена стажерами. Подобные меры призваны обеспечить расширение информации о Советском Союзе, улучшение ее качества и прогнозирование общественных процессов в СССР, в чем заинтересованы различные государственные учреждения, политические и деловые круги капиталистических стран.

Одновременно наблюдается пересмотр некоторыми исследователями традиционных для советологии концепций, не выдерживающих серьезной критики, и смягчение общего тона суждений о состоянии национальных отношений в СССР. Эту тенденцию можно проследить, например, по работам, выходящим из стен Колумбийского университета и Кеннановского института перспективных русских исследований (США). Института исследований Востока — Запада (Дания) и ряда других научных центров Северной Америки и Западной Европы.

Указанное явление до некоторой степени связано с приходом в советологию нового поколения ученых, которые подготовлены профессионально достаточно хорошо, чтобы вести более основательные, чем их предшественники, исследования: как показывает анализ советологической литературы, чем серьезней исследование, тем меньше в нем места для фальсификаций и ложных выводов. Однако дело заключается не толь-

⁶⁸ Цит. по: Jorgensen A. Op. cit. P. 136.

⁶⁹ Pipes R. Op. cit. P. 464.

⁷⁰ Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. С. 156.

ко в смене поколений научных работников и в их профессиональных качествах. На характер их исследований оказывают влияние, с одной стороны, усиление демократического течения в общественной мысли капиталистических стран, с другой — идеи политической разрядки и сотрудничества, расширение контактов между Востоком и Западом, объективно способствующие разоблачению мифов о Советском Союзе, десятилетиями культивируемых буржуазной пропагандой.

Однако отмеченные изменения едва ли позволяют говорить об общей либерализации советологии. Скорее речь может идти об определенном размежевании в среде специалистов по СССР, причем «ортодоксальное», крайне реакционное направление все еще продолжает доминировать. Более того, оно получило в рассматриваемый период новый импульс благодаря росту влияния на политику, а вместе с ней и на другие стороны общественной жизни стран Запада консервативных политических группировок.

В книге, вышедшей из печати 20 лет назад, известный советский ученый Э. А. Баграмов указывал на некоторые признаки дифференциации в среде буржуазных специалистов в области национальных отношений, так же как и на признаки усиления реакционной идеологии в буржуазной науке⁷¹. Представленные в настоящем обзоре работы и другие публикации конца 1970-х — начала 1980-х годов свидетельствуют о сохранении обеих тенденций и в современной советологии.

⁷¹ Баграмов Э. А. Национальный вопрос и буржуазная идеология (Критика новейших политико-социологических концепций). М., 1966. С. 321—322.

С. И. Грица

НОВЫЕ ЭТНОМУЗЫКАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В БЕЛОРУССИИ

Фольклористика пополнилась ценными трудами, дающими целостное представление о народнопевческой культуре Поозерья и Полесья, подготовленными известной белорусской исследовательницей З. Я. Можейко¹. Этот край давно привлек к себе внимание как ареал глубинных пластов славянской культуры, тесных связей белорусского, украинского, русского народов. Полесье стало объектом интереснейших этнокультурных и лингвистических исследований К. Мошинского («Polesie Wschodnie», «Kultura ludowa Słowian», «Pierwotny zasięg języka prasłowiańskiego»), который определил его как один из центров славянского этногенеза. С 1877 по 1891 г. в 11 уездах Белоруссии собирал фольклорный материал М. Федеровский (6 тыс. песенных вариантов и 15 тыс. образцов других жанров). Не менее ценны материалы, собранные П. Шейном, Е. Романовым, З. Эвальд, Р. Ширмой, В. Цитовичем и др., в последние годы — экспедициями под руководством Н. И. Толстого. И тем не менее даже на этом фоне сборники З. Можейко и ее монография воспринимаются как серьезный шаг вперед, особенно по изучению народной музыки Полесья.

Следует особо подчеркнуть многоаспектность рецензируемых работ, дающих: а) высококачественный материал словесно-музыкальных записей песен, выполненных на уровне современных требований; б) карты локализации обрядового функционально приуроченного фольклора; данные о фольклоре и его носителях, полученные методом «включенного наблюдения»; в) углубленную научную интерпретацию изучаемого объекта как целостной системы с ее логикой, множеством внешних и внутренних взаимосвязей. Каждый представленный в сборниках образец песни осознан автором как жизненное явление, включенное в конкретную ситуацию, как художественное произведение, за которым стоит творец, исполнитель. Особо следует отметить высокопрофессиональные записи народной полифонии, представленной свыше чем 300 образцами песен из Полесья. Сборники, как и монография, успешно реализуют ареальное, направленное в современном советском этномузыкальном знании. Рецензируемые сборники — результат сплошного обследования территории «по квадратам» с целью показать песенную систему и ее доминирующие комплексы в определенном ареале местной традиции.

Сборник «Песні Беларускага Паазер'я» содержит 259 мелодий с текстами из Витебщины и северных районов Минской области — до линии Вилейка, Плещеницы — Орша. Здесь, как отмечает исследовательница, доминирующим комплексом выступает древнейший пласт, сохраняющий отчетливую внутрицикловую дифференциацию с преобладанием одноголосного пения. Песни систематизированы в трех разделах: а) обрядовые — колядные, волочебные; масленка, Юрия, весна, толока; Купалка, житное, дожинки; ярное и когда лен рвут; осень; б) семейно-обрядовые — голошения, колыбельные, свадебные, родинные; в) песни, приуроченные и неприуроченные к определенному времени и условиям.

¹ *Можейка З. Я. Песни Беларускага Паазер'я. Мінск, 1981. 493 с.; Можейко З. Я. Песни Белорусского Полесья. Вып. 1. М., 1983. 183 с. Вып. 2. М., 1984. 151 с.; Можейко З. Я. Календарно-песенная культура Белоруссии. Минск, 1985. 245 с.*